

вылезти из теплой постели, надеть единственное платье и отправиться "в свет".

Народу действительно собралось довольно много. Было шумно, весело, и Грета, поддерживаемая одобрительными возгласами друзей, согласилась исполнить несколько песен. По завершении импровизированного мини-концерта к девушке подошел невысокий хорошо одетый человек и спросил ее имя. "Грета. А вы модельер?" - с надеждой она заговорила с ним. "Нет, я Мориц Стиллер, режиссер. Вы не хотели бы попробовать себя в кино?"

ЖЕНЩИНА-ИКОНА

ВОТ так все и началось. Фильмы с участием Гарбо (именно Стиллер придумал Грете Луизе Густафсон этот псевдоним, оттолкнувшись от фамилии известной норвежской актрисы Эрики Дорбо, чье имя гремело в Швеции в 20-х годах) становились все более и более популярны, а гонорары актрисы росли вместе с ее славой, давно перешагнувшей границы Швеции.

В 1925 году двадцатилетняя Гарбо вместе со Стиллером получили приглашение в Голливуд. Грета не думала перебираться в Штаты. Но не потому, что не хотела работать в Америке. Актриса вообще ни о чем не думала, делая лишь то, что ей говорил Стиллер. Он-то и сказал Гарбо подписать контракт, что она, разумеется, и сделала.

"Ты, главное, ничего не бойся, - успокаивал ее режиссер, сходя с борта теплохода, доставившего их в Штаты. - Учи язык, ни о чем не думай, а я о тебе позабочусь". Однако все получилось совсем иначе. Снимать Гарбо в Голливуде предстояло другим режиссерам, а Стиллеру предложили поработать над историческими фильмами. Картины

Морица успеха, увы, не имели. Непривычные условия работы и абсолютное незнание английского (услугами переводчика Мориц не пользовался принципиально) сделали свое дело: Стиллер был вынужден вернуться в Швецию. В ночь перед его отъездом Гарбо, чья карьера в Голливуде, напротив, складывалась как нельзя лучше, обратилась к Морицу с просьбой стать отцом ее ребенка. "Ты знаешь, как я к тебе отношусь, - ответил режиссер. - Но представить себя в постели с женщиной... Давай поговорим об этом как-нибудь в другой раз". Больше они не виделись. Через два года Гарбо узнала, что Стиллер, вернувшись в Швецию, тяжело заболел и умер.

На его похороны актрису не отпустили. Скандинавский сфинкс, как называли Грету за ее молчание журналисты (английский все еще оставался для Гарбо проблемой), был необходим Голливуду как воздух. Фильмы с ее участием пользовались сумасшедшей популярностью, и одна картина сменяла другую.

Поняв, как в ней заинтересованы киношники, Грета то и дело бросала фразу: "Нет, мне это не подходит. Наверное, я возвращаюсь домой". Стоит ли говорить, что ее условия тут же принимались, а к сумме гонорара добавлялся еще один ноль. Гарбо стала самой знаменитой актрисой мира. Ее внешность была для зрителей иконой, на которую они не уставали молиться.

"Когда Гарбо смеживала веки, ее длинные ресницы цеплялись друг за дружку, и, перед тем как она снова открывала глаза, слышался явственный шорох, наподобие трепета крыльев мотылька", - писала о ней поэтесса Айрис Гри. Другой очевидец говорил, что "то, что вы видите в других женщинах, будучи пьяным, в Гарбо вы ви-

«Я могла убить Гитлера очень легко».

дите трезвым. Она может откидывать назад голову едва ли не под прямым углом к позвоночнику и жадно целовать мужчину, взяв его лицо в ладони так, что казалось, она пьет с его губ некий напиток".

Личная жизнь актрисы для окружающих была покрыта завесой тайны с первых лет ее появления в Штатах. "Когда я приехала в Америку, - сказала Гарбо в одном из своих интервью, - то была похожа на корабль без руля и ветрил - испуганная, потерянная и одинокая. Я была неуклюжа, боязлива, вся издерганна, мне было стыдно за мой английский. Именно поэтому я возвела вокруг себя непробиваемую стену и живу за ней, отгородившись ото всего мира. Быть звездой - нелегкое дело, требующее уйму времени, и я говорю это со всей серьезностью".

В киношных кругах судачили о ее романах с актером Джоном Гилбертом (отношения с ним вообще дошли чуть ли не до свадьбы), дирижером Леопольдом Стоковским, миллионером Джорджем Шли. Одним из поклонников Гарбо был и Адольф Гитлер, пригласивший Грету в Германию. "Наверное, мне следовало отправиться в Берлин, захватив с собой пистолет, спрятанный в сумочке, - напишет потом актриса. - Я могла убить его очень легко. Это разрешило бы все проблемы, и, может быть, не было бы войны, а я стала бы героиней масштаба Жанны д'Арк".

Особые отношения связывали Гарбо со сценаристкой Мерседес де Акосте, которая была старше ее на 12 лет. Мерседес не делала секрета из своей нестандартной сексуальной ориентации, что породило массу слухов и сплетен и в отношении самой Гарбо. Поссорились подруги, жившие какое-то время одним домом, после выхода в свет мемуаров Мерседес, в которых она довольно откровенно описала свои взаимоотношения не только с Гарбо, но и с Марлен Дитрих, и с Айседорой Дункан.

БЕЛЫЕ ЛИЛИИ

РОБКИЙ стук в дверь ее номера заставил Гарбо очнуться от воспоминаний. Служащий отеля принес букет цветов от господина, который в ресторане посмел так расстроить очаровательную мисс.

"Надо же, белые лилии, - усмехнулась про себя Гарбо. - Откуда этот мужчина мог знать, что это мои любимые цветы?" Первый раз она получила в подарок букет белых лилий от Морица Стиллера,

